

На горы Окутамы опустилась завеса ночи.

За комплексом UCAT находился мир, отличный от реальности.

Там располагалась резервация 1-го Гира. Пространство радиусом в километр обычно полнилось зеленью, но в ночи её было не разглядеть.

Из окон домов и временных жилищ на улицу выливался свет, а из труб на крышах поднимался дым.

Но одно каменное здание в центре немного отличалось.

У него не хватало фронтальной стены. Судя по всему, она изначально там была, но её разрушили.

Внутреннее пространство того сломанного дома насыщал свет.

Внутри виднелись две фигуры: полудракон, покрытый черной броней, и старик, одетый в лабораторный халат.

Они сидели напротив друг друга на бамбуковых лавках, поставленных на грязный пол.

Между ними стояла доска для Го, заполненная черными и белыми фигурами.

Полудракон выпятил грудь и скрестил руки, тогда как старик наклонился вперед и уставился на игральную доску.

Затем он обхватил рукой подбородок и проговорил:

— Фасольт, если бы мы играли в гундзин сёги[□]Довоенная настольная игра, напрямую не связанная с сёги, схожая с армейскими шахматами или стратега. У каждого игрока есть 23 фигуры: флаг, 12 офицеров, 2 самолета, 2 танка, кавалерия, 2 инженера, шпион и две мины. Цель: захватить вражеский флаг., я был бы непобедим.

— В прошлый раз, когда это было, ты уронил фигурку мины, и она взорвалась, Ооширо Казуо.

— Да уж, это вызвало немалый урон. Мне.

Ооширо вздохнул, и Фасольт склонил голову.

— Я слышал, что Путь Левиафана со 2-м Гиром продвигается хорошо.

— Т-ты в самом деле любишь без промедления переходить к сути вопроса, да?

— Если сказитель будет ходить вокруг да около, истина ускользнет, Ооширо Казуо. Тот Саяма Микото и Синдзё работают над этим, не так ли?

— Синдзё-кун та еще проблема. Тебе известна её ложь, верно?

— Ясно, — сказал Фасольт, — Значит, она думает о том, чтобы раскрыть свою ложь Саяме Микото?

— Как ты узнал?

— Это подходящий путь для развития истории, Ооширо Казуо. Принцесса всегда скрывает секрет.

— Принцесса? Когда это ты начал говорить о сказках, Фасольт?

Полудракон проигнорировал его замечание.

— Твой отец был замешан в уничтожении 2-го Гира, и ты не можешь дать им слишком много информации, следовательно, не можешь слишком активно ввязываться в их дела. Вот оно как?

— Фасольт, ты замечательно умеешь все резюмировать, — Ооширо поставил фигурку Го. — Но еще у меня чувство, что когда дело касается моего отца, я теряю самообладание.

— Это доказывает, что ты молод. Когда ты достигнешь моего возраста, то практически перестанешь сомневаться.

— Серьёзно?

— Серьёзно. Однажды Фафнер высказал излишние замечания по поводу его работы по производству целлюлозы, и я без сомнений его вырубил. Эта стена стала жертвой нашей небольшой семейной драки. Подобное заставляет меня думать, что сомневаться не так уж и плохо.

Ооширо повернулся к разрушенной фронтальной стене дома.

— Я смотрю, ты живешь полноценной жизнью. ...И как там Фафнер?

— Он проходит церемонию покаяния.

— Церемонию покаяния?

— Я его связал и подвесил вниз головой с утёса снаружи на три дня. Это должно заставить его покаяться, но если нет, я просто хорошенько качну его туда-сюда и оставлю висеть еще на три дня.

— Это не покаяние! Это принудительная промывка мозгов!

Фасольт, само собой, проигнорировал этот комментарий, и поставил фигурку Го.

— Так или иначе, у молодых достаточно энергии и здоровой доли сомнения. Во 2-м Гире нет долгожителей, потому молодые могут сомневаться и найти собственный ответ, пока молоды. — Он выдал глубокий смешок, — Но как члена 1-го Гира, меня волнует кое-что другое. Я слышал, что старшая группа зашевелилась. Сильнейшая ведьма немецкого UCAT здесь, не так ли?

— Ты о Диане-кун? Как ты знаешь, она племянница Зигфрида, но...

— До меня доходили слухи, но я никогда не думал, что племянница этого человека станет помогать 1-му Гиру.

Ооширо кивнул.

— Мы живем сейчас в совсем другой эпохе. В общем, похоже на то, что Диана-кун заинтересована в Пути Левиафана.

— И?

— Ей известно о пустом периоде UCAT. Это должно тебе всё объяснить, правда? Тот, кому известна часть прошлого UCAT, о котором даже ты не знаешь, вернулся, чтобы проверить Путь Левиафана.

И...

— Не знаю, о чем она думала прошлые десять лет, поэтому мне бы хотелось дать ей ассистента, который бы за ней присматривал.

— В таком случае, я знаю идеального человека, — уверенно заявил Фасольт. — В 1-м Гире есть кое-кто, кого не сможет превзойти ведьма немецкого UCAT. Отбрось свои сомнения, Ооширо Казуо. Это во благо Саямы Микото и Синдзё из Отряда Левиафана, которые сделали 1-й Гир

вашим союзником.

Конструкторское бюро на втором подземном уровне UCAT неожиданно наполнилось напряжением из-за одного человека.

Им был Касима.

Он промок до нитки. Его белая рабочая форма потемнела от влаги, и с его обычно причесанных волос капала вода, стекая на лицо и шею.

Его левая рука сжимала толстый водонепроницаемый конверт, а правая была запятнана грязью почти по локоть.

Однако его это, похоже, совсем не волновало. Его влажные шаги всё также направлялись вперед.

Он двигался к самому краю комнаты. У задней стены находился большой проектор, и перед ним отдельно стоял стол. Это открытое пространство, не разделенное перегородками, принадлежало Цукуёми.

Она осматривала фотографии Сусаоо, но неожиданно подняла взгляд.

Женщина увидела, как от входа прибыл Касима. Она смотрела на источник напряжения в помещении.

— Ты определился, Касима?

Как только он без кивка к ней приблизился, она улыбнулась.

Мужчина оставался молчалив, но выражение его лица было сдержанным и не выдавало колебания или силы.

Наблюдая за ним, Цукуёми внутренне кивнула. Это хороший знак.

Как вдруг из-за перегородки справа встал молодой мужчина.

Тем человеком с короткими волосами в лабораторном халате оказался инженер, присоединившийся всего три года назад. Его звали Миками.

Насколько Цукуёми помнила, он не особо жаловал Касиму.

Миками принадлежал к семье чистокровных литейщиков и кузнецов мечей 2-го Гира. Но ещё во времена существования Гира род Касимы их превзошёл, и они отказались от первой позиции, когда дело касалось мечей.

Скорее всего, поэтому Миками и остановил Касиму.

За один шаг он быстро переместился к Касиме справа.

— Заведующий Касима, Вам не следует небрежно входить в конструкторское бюро промокшим насквозь. В этом отделе мы имеем дело с огнем и металлом, так что...

Он замолк, из-за взгляда Касимы.

Касима ничего ему не сделал, просто посмотрел.

Несмотря на это, Миками опустил руки и отступил.

Никто не смеялся над решением Миками.

Вновь наступила тишина, напряжение нарастало, и Касима продолжил путь к Цукуёми.

В его глазах не было силы, но они и не утратили её.

— Почему ты здесь? — спросила Цукуёми.

— Путь Левиафана между 2-м Гиром и Лоу-Гиром пройдёт в это же время через два дня.

— Каким образом он пройдёт?

Как только она спросила, дверь конструкторского бюро отворилась, и прозвучала песня.

— Яяяяяя силен, прям как Эболаааа! Даже еееееесли ты предо мной поклонииишься, ты высрешь свой громадный кишечниииик!

Все остальные нырнули обратно в свои сектора от страха. Прибыл Ацута.

Цукуёми увидела, как Касима замолчал и помрачнел.

— Я смотрю, ты в хорошем настроении, Ацута. Почему ты здесь?

— Погоди, а почему ты здесь? Я думал ты уволился и отправился домой лапать сиськи своей женушки?

С приближением Ацуты Касима выдал раздраженный взгляд и вздохнул.

Он перевел взгляд на Цукуёми, и затем обратно на Ацуту.

— К твоему сведению, рабочий день еще не закончился. К тому же, это было сексуальное домогательство в адрес моей жены. Почему ты здесь?

— У меня есть хорошая причина, но я не скажу тому, кто без умолку твердит, что собирается увольняться. Ке.

— Я не увольняюсь, так что рассказывай.

— Ты надо мной издеваешься? Начни канючить, чтобы я тебе рассказал.

— Хорошо, хорошо. Умоляю тебя. Прошу, расскажи мне.

— Я не стану рассказывать тому, у кого нет ни капли гордости!

— Я ни капли тебя не понимаю. Давно ты уже так меня не впечатлял.

— Вот как? — Кивнул Ацута. — Ну, хрен с ним. Мне уже полегчало, так что подарю тебе небольшое благословение и расскажу: это Путь Левиафана.

На последний термин все разом высунулись из своих перегородок.

Все гадали, о чём он думает, и Касима, почесав затылок, проговорил от их имени:

— Ох, конечно же. Тогда в столовой, ты сказал, что увязнешь в Пути Левиафана из-за какой-то девушки, в которую влюбился.

— Ну, и это тоже. Но во всей своей мудрости, ко мне пришла мысль, — Не обращая внимания на всех, кто на него смотрел, Ацута продолжил говорить. — Даже если мы адаптировались к Лоу-Гиру, почему мы должны просто так отдавать Отряду Левиафана наше Концептуальное Ядро? Мы сильнее Лоу-Гира, они сильнее нас, или мы равны? Как мы можем передать Концептуальное Ядро, не зная этого? — Он перевел дух, и скорчил довольную рожу. — Я не приму это, пока мы всё не решим. И это относится как к Концептуальному Ядру, так и к

девушке, о которой я упоминал.

Первым отреагировал Касима. Он кивнул.

— Директор Цукуёми, чтобы обосновать свою личную обиду, это животное выдало на удивление громкое мнение.

— П-проклятье, Касима! Как ты можешь такое говорить о блестящем мнении, которое я только что придумал в туалете?!

— Замолчи, — сказала Цукуёми, глянув Ацуте за спину.

Все, кто высунул голову из перегородок, выглядели раздраженно, но смотрели в их сторону.

Они, похоже, соглашались с мнением Ацуты.

Вот как, — подумала Цукуёми. — Значит, у всех них были сомнения по этому поводу.

— Ладно, Ацута. Что нам нужно сделать, чтобы тебя убедить?

— Хм, — задумался он. Через некоторое время, он улыбнулся. — Как насчет сражения на смерть?!

— Не говори с такой самодовольной улыбкой, идиот. Если мы их убьем, UCAT мало будет просто выкинуть нас прочь.

— Не критикуй мою идею, не предлагая ничего взамен, — Ацута цокнул языком. — Ладно. В качестве компромисса, как насчёт тренировочного боя? Мы проводим открытые тренинги, верно? Мы можем устроить крупномасштабную версию против этих детишек. Если они смогут нас победить, мы не будем жаловаться на освобождение концептов.

— Тренировочный бой? — пробормотала Цукуёми, глядя за Ацуту и Касиму.

Остальные смотрели на этих двоих, но в итоге молча повернулись к ней.

Их глаза сияли силой. Они все сделали собственные выводы, но оставляли решение за ней.

И поэтому, Цукуёмм сложила руки за спиной и произнесла:

— Это может сработать.

— О, так мне удалось до тебя достучаться?! Какое удивительное открытие! Эй, Касима, смотри-ка! Эта баба такая старая, но мой современный японский все равно сумел до неё достучаться!

— Директор Цукуёми, это создание всегда грубое, но в этот раз я прошу к нему особого снисхождения.

— Он может получить его лишь в этот раз, — раздражённо сказала женщина, перед тем как встать, посмотреть им в глаза и кивнуть. — Местом послужит Концептуальное Пространство Мемориального Парка Сёва. Способом будет тренировочный бой. Победителя определит то, чей представитель добудет Тоцуку из его местоположения на мостике Сусаоо. В качестве награды проигравший выполнит все требования победителя. ...Как это звучит?

— Вы произнесли это совсем без сомнений. ...Вы всё это уже спланировали, не так ли?

Вместо ответа, Цукуёми просто улыбнулась.

Она по большей части уже всё поняла.

Мальчик-злодей, с которым она вела переговоры сегодня днём, привел её к решению.

...Выходит, несмотря ни на что, мы отбросим статус-кво и нашу надежду на мир.

— В таком случае, мы используем этот величайший способ, чтобы выиграть наше принятие. Ну? Жалобы есть?

Ацута удовлетворённо покачал головой, а Касима почесал затылок.

Он выглядел взволнованным, но Цукуёми не пропустила на его лице самодовольную усмешку.

— Хм... Директор Цукуёми, если Вы на этом настаиваете, полагаю, у меня нет претензий.

— Значит, ты готов это сделать?

И...

— Ты собираешься восстановить Фуцуно, и вернуть величайший меч 2-го Гира?

Рядом с Касимой, Ацута выдал изумлённый взгляд, но Касима проигнорировал его и ответил:

— Да.

— П-постой, Касима. Ты серьёзно? Мне кажется, ты будешь чувствовать себя счастливее, лапая сиськи своей женушки.

— Несомненно. И вот поэтому я и принял решение, которое принял: я перекую Фуцуно и буду лапать грудь Нацу-сан.

Затем Касима задумался на секунду, и удивленно наклонил голову.

— А? Это придало моей решимости несколько иной нюанс. Прозвучало как-то диковато.

— Никому нет дела, так что шевелись. Сделай необходимые приготовления, чтобы найти все свои ответы.

Эти двое мужчин неотличимы от детей, — с горькой улыбкой подумала Цукуёми.

Затем она хлопнула в ладоши в направлении людей, выглядывавших над перегородами.

— Ладно, народ! Сегодня ночью отправляйтесь и сделайте подношения вашим предкам и семье! Убедитесь, что хорошо ухватитесь за собственное имя! Это дождливая ночь, а значит, не кажется ли вам, что получится сентиментальная сцена?

Пока дождь моросил во тьме, на запад сквозь Токио направлялся некий поезд.

Он покинул Синдзюку на линии Кеио и останавливался на каждой станции по пути к Такаосангути.

В самом первом вагоне ехало относительно немного людей. В нём расположились лишь двое, которые несли больше бумажные пакеты.

Одной из них оказалась Сино, одетая в белую футболку и черное платье. Второй была Микоку, носившая синюю куртку и джинсы.

Сино держала один бумажный пакет, но Микоку, сидящая справа от неё, несла два. Микоку также расположила еще один пакет под её сиденьем, и один сверху в багажной полке.

Выражение лица Микоку, сидящей спиной к окну, покрытому дождевыми каплями, было серьёзным. Она торжественно произнесла:

— Что ж, итак. Наша миссия пополнения запасов увенчалась успехом.

— Ты не проведешь меня напускной серьёзностью! Ты даже купила ту пушистую подушку! Обманщица!

— Ты сама заявила, что тебе её хочется.

— Нет, не заявляла. Я просто сказала, что она выглядит комфортно.

— Это то же самое, — сказала Микоку с улыбкой.

Но затем Сино увидела, как улыбка с лица Микоку неожиданно пропала.

Микоку уставилась в дождливую тьму за окном, и её брови слегка опустились.

Она, должно быть, заметила, что Сино на неё смотрит, потому что задала ей вопрос.

— Ты видела это в Синдзюку?

— Да. Мы всего лишь прошли мимо, но это определенно была Синдзё.

Сино вспомнила, как их рты изумленно открылись, и она едва не расплакалась, когда они разминулись с этим человеком.

Она отвела взгляд от Микоку, сильнее сжала пакет в левой руке, и дотронулась до локтя Микоку правой.

— Бесполезно... Она нас не помнит. Она совсем нас не заметила.

— Да. Все так, как мы и слышали. У неё не осталось воспоминаний о детстве.

— Что, если в следующий раз я с ней заговорю? С моей силой...

— Нет. Использование твоей силы заставит её насторожиться.

— Но...

— Всё хорошо. Рано или поздно, мы встретимся с Синдзё. Я не могу сказать, правда, будет ли она тогда врагом или союзником. Кстати, ты видела, кто еще был там? То был Саяма Микото, мой враг, — Микоку немного потрянула головой и вздохнула. — Это сложный вопрос. Синдзё рыдала в своем сердце. Быть может, этот Саяма сумеет остановить её слезы, а может и нет, но в любом случае, это навредит мне и заставит меня его ненавидеть.

●

Под дождем Саяма вернулся в своё общежитие.

Пройдя через холл, он увидел на часах, что уже 20:10.

Синдзё всегда отправлялся в купальню к четырем или пяти, после этого он занимался, и они ужинали в школьной столовой не позднее восьми.

— Интересно, поел ли Синдзё-кун без меня.

Отчасти проблема в том, что Синдзё не носил мобильный телефон.

...Но, возможно, мне стоило позвонить главе общежития, чтобы передать ему сообщение.

Саяма поспешил к своей комнате. Он обнаружил, что дверь не заперта, потому тут же её открыл.

Когда дверь плавно открылась, парень увидел противоположную сторону.

— Тут темно?

Комнату не освещало ни единого огонька.

...Где же Синдзё-кун?

Едва Саяма начал паниковать, Баку неожиданно высунулся из его грудного кармана, и кивнул головкой в сторону кровати.

Любопытствуя, что все это значит, Саяма пригляделся и заметил фигуру, спящую на нижней полке.

Это Синдзё.

Почему он спит так рано? — Задавался вопросом Саяма. — Возможно, сегодняшняя боль в животе вернулась.

Саяма закрыл дверь, и в темноте подошёл к окну.

Он поместил папку и Баку на свой стол.

После чего услышал шелест ткани, и, обернувшись, обнаружил белую рубашку, сидящую в темноте.

— Саяма...-кун?

— Прости. Я тебя разбудил?

— Нет. Ты можешь включить свет.

— Нет нужды, — сказал Саяма, присев на корточки рядом с кроватью.

Он обнаружил перед собой ослабшее выражение лица.

Изучая глаза Синдзё, парень неожиданно осознал, что кожа вокруг его глаз немного покраснела.

...Он что, плакал?

Но вместо этого Саяма спросил кое-что другое.

— Тебе что-нибудь нужно? Если хочешь поесть, я могу тебе принести.

— Нет, — снова произнёс Синдзё, слегка нахмурившись.

Парень выглядел подавленным и слегка держался за низ своего живота, спрятанного под одеялом.

Он также продолжил говорить, не давая Саяме возможности что-либо сделать.

— Не волнуйся. Это пройдет к завтрашнему утру. Надеюсь, под Фестиваль Всеобщего Отдыха будет солнечно.

— Да, мы можем насладиться фестивалем вместе.

— Да... Эм, Саяма-кун?

— Слушаю.

— Ты читал сюжет, который я тебе сегодня дал?

Саяма онемел. После того, как ему передали папку, он направился на работу и только сейчас вернулся назад.

За это время он никак бы не успел его прочитать.

...Вот как, должно быть, это для него важно.

Его мысли породили тишину. Когда Синдзё осознал, что эта тишина означает, его ресницы опустились.

— Прости. Я попросил от тебя слишком многого.

— Вовсе нет.

...Сказать, что я был занят, прозвучит как неприкрытое оправдание.

Но у него действительно не оставалось времени, чтобы нормально его прочесть. Ему казалось, что это важно.

— Я прошу прощения за сегодня, но если позволишь, я бы хотел немного времени.

— Немного времени? Зачем?

— Вчера ты сказал, что хочешь, чтобы я тебя узнал, — Саяма произнес напрямую слова из своего сердца. — Так же, как ты пытаешься себя выразить, мне бы хотелось времени и решимости, чтобы должным образом тебя узреть.

— И если у тебя это будет, ты прочтешь?

— Да, прочту.

— Но я могу завтра уехать.

Правая рука Синдзё ухватила за левый рукав Саямы.

Он его сжал, но торопливо отпустил и медленно вернул руку назад.

Синдзё выдал слабый стон, и слегка согнулся.

Затем расслабил тело и, продолжая глядеть на Саяму, залез обратно под одеяло спиной вперед.

— Прости.

Синдзё спрятал голову под одеялом, поэтому Саяма ничего не мог больше поделать.

Он подумал над тем, чтобы прочесть сюжет сейчас, но решил, что в такой атмосфере лучше не стоит.

...Это будет означать излишнюю спешку и попытку уклониться от темы.

С этой мыслью он неожиданно замер.

Парень услышал, как Синдзё подавил еще один стон в тот же миг, когда сам Саяма ощутил боль в груди.

Гадая, откуда эта боль пришла, он неожиданно припомнил старое воспоминание.

Давным-давно, Саяма ощущал посреди ночи боли в животе.

В детстве, когда тело еще полностью не сформировалось, все испытывают такого рода боли.

Боль не давала покоя ребенку, но все вокруг вели себя так, словно это мелочь, и действительно, она проходила следующим утром.

Он вернулся туда мыслями. Его родители были рядом, но как они поступали?

Пока Саяма пытался вспомнить, боль в его груди усиливалась, но он должен был это сделать.

— Мм...

Стон Синдзё заставил Саяму торопливо поместить правую руку к левой стороне груди.

Как злодей, он должен кое-что сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3275213>